

Научная статья

УДК 398.22

DOI 10.17223/18137083/96/13

Частотные прилагательные в тувинском и бурятском героических сказаниях

Менги Васильевна Ондар

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

mengi89@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8270-7071>

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу частотных прилагательных в тувинском и бурятском героических эпосах. Материалом для данного исследования послужили тексты «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» и «Аламжи Мэргэн» из академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Цель исследования состоит в выявлении в рассматриваемых эпических текстах прилагательных, которые наиболее часто употребляются в текстах сказаний, а также описание их дефиниций для отражения полной языковой, в частности фольклорной, картины мира народов тюрко-монгольского мира. Наиболее частотными прилагательными в обоих текстах являются 'белый', 'черный', 'золотой', 'серебряный'. Выявлено, что семантическая структура базовых прилагательных в тувинском и бурятском эпосах имеет общие элементы, однако детальное изучение позволило установить национальные особенности, влияющие на формирование языковой картины мира каждого народа.

Ключевые слова

тувинский эпос, бурятский эпос, прилагательные, языковая картина мира, национальные особенности

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (<https://rscf.ru/project/23-18-00659/>)

Для цитирования

Ондар М. В. Частотные прилагательные в тувинском и бурятском героических сказаниях // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 174–186. DOI 10.17223/18137083/96/13

© Ондар М. В., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 174–186

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 174–186

High-frequency adjectives in Tuvan and Buryat heroic epics

Mengi V. Ondar

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

mengi89@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8270-7071>

Abstract

This paper presents a comparative analysis of high-frequency adjectives in Tuvan and Buryat heroic epics. The research material comprises the texts of *Boktu-Kirish*, *Bora-Sheeley* (Tuvan epic) and *Alamzhi Mergen* (Buryat epic). The objective is to determine the most frequently occurring adjectives in the designated epics and to elucidate their definitions, offering insight into the complete linguistic and, notably, folkloric worldview of the Turkic-Mongolian peoples. The analysis establishes that the most frequent adjectives in both texts are ‘white’, ‘black’, ‘golden’, and ‘silver’, all of which exhibit complex polysemy. While the semantic structures of these adjectives share common core elements, a detailed examination reveals specific national characteristics that shape the linguistic worldview of each ethnic group. For instance, in the Buryat epic, the adjective ‘white’ is closely associated with ‘silver’, which serves as the highest-frequency lexeme among the color adjectives. In the Tuvan epic, ‘white’ is associated with strength, characterizing the physical abilities of the heroes. The numerous meanings of the adjective ‘black’—such as ‘rich’, ‘noble’, and ‘foreign’—are evident in both Tuvan and Buryat traditions. Further commonality is found in the use of the adjective ‘red’, which is associated with ‘movement, energy, and aggression’ in the epic texts of the Turkic-Mongolian peoples. Finally, the adjective ‘golden’ appears more frequently in the Tuvan text than in the Buryat one, where it is strongly associated with the sun—a key cult object in the national worldview of the Tuvans.

Keywords

Tuvan epic, Buryat epic, adjectives, linguistic picture of the world, national peculiarities

Acknowledgments

This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00659, “The Turkic-Mongolian World of Central Asia: Linguistic, historical, ethnocultural processes in diachrony and synchrony”), <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>

For citation

Ondar M. V. Chastotnyye prilagatel'nyye v tuvinskom i buryatskom geroicheskikh skazaniyakh [High-frequency adjectives in Tuvan and Buryat heroic epics]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2026, no. 3, pp. 174–186. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/96/13

Введение

Фольклорные тексты, особенно эпические, включают в себя многочисленные символы, в которых скрывается национальное мировоззрение народа. Эти тексты являются «результатом воображения человека, и, возможно, созданы они были для человека, которые стали овладевать его сознанием и постепенно управлять им» [Бакчиев, 2017, с. 9]. В этом отношении интерес представляют прилагательные, изучение которых способствует детализации языковой картины мира, отражающей этнокультурные особенности народа.

Процесс функционирования прилагательных в эпических текстах с давних времен привлекает внимание многих исследователей, причем с разных ракурсов,

поскольку эпос как самое объемное произведение в этнической культуре каждого народа отражает все аспекты традиционной жизни того народа, которому принадлежит данный эпический памятник.

Некоторые исследователи утверждают, что слово, стоящее перед существительным, является эпитетом в тексте [Тимофеев, 1963, с. 205]. Л. В. Роббек отмечает, что эпитетом в олонхо может выступить любое определяющее, изображающее и поясняющее слово или группа слов: «...когда речь идет о поэтическом творчестве, нашедшем отражение в отшлифованном веками эпосе, очевидно, каждое прилагательное можно рассматривать как эпитет» [Роббек, 2014, с. 56].

Прилагательные как образные языковые средства в хакасском и русском эпических текстах рассматриваются в работе Е. П. Войтенко [2010]. В хакасском эпосе ею выделены 12 наименований цветовой палитры, а в русских текстах – 9 тематических групп [Там же, с. 18].

Г. Ц. Пюрбеев отмечает, что в эпических произведениях калмыцкого народа наиболее частотными считаются следующие прилагательные: *шар* ‘жёлтый’, далее идут прилагательные *хар* ‘чёрный’, *цаһан* ‘белый’, *көк* ‘синий’, *улан* ‘красный’ [Пюрбеев, 1993, с. 59]. По мнению автора, указанные прилагательные в составе разных словосочетаний участвуют в живом и образном описании объектов и элементов традиционной культуры ойрат-калмыков: мифологии, религии, космогонических представлений, архаичных культов и ритуалов, комплекса символов и народных знаний, социальной организации и уклада жизни кочевого общества, отраженные в лексике героического эпоса «Джангар». Так, прилагательные в героических сказаниях участвуют в создании эпического произведения, в связи с чем их изучение способствует раскрытию и пониманию фольклорной картины мира народа.

Вышеуказанные труды стали теоретико-методологической базой настоящего исследования.

Частотные прилагательные в эпических произведениях

Данная статья посвящена описанию малоизученного пласта в области тувиноведения, касающегося языка тувинского героического сказания «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей». В тувинском фольклоре этот эпос является наиболее вариативным и популярным в народе среди эпических произведений тувинцев. Он имеет около 18 вариантов, на сегодняшний день доступными для широкой общественности оказались 4 текста, которые размещены автором данной работы в фольклорном подкорпусе Электронного корпуса тувинского языка, один из которых стал материалом для настоящего исследования (<https://tuvancorpus.ru/books/?pid=tge>).

Для сравнения нами выбран героический эпос бурятского народа «Аламжи Мэргэн» из академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1991).

Исторически тувинский народ тесно контактировал с монгольскими народами, и в его фольклоре можно обнаружить множество слов, сходные значения которых обнаруживаются в эпических текстах обоих народов. На первый взгляд кажется, что и тувинский, и монгольский народы имеют одну эпическую традицию, однако изучение отдельных лексических единиц позволяет установить национальные особенности в языковой картине мира каждого народа. Как отмечает Б. И. Татаринцев, «эти контакты имели длительную историю и оказали влияние на разные уровни тувинской языковой системы, в особенности на лексику, наиболее вос-

приимчивую к иноязычному воздействию» [Татаринцев, 2009, с. 68]. И здесь прилагательные как лексические единицы привлекают особое внимание тем, что они представляют собой «артефакты коллективного обыденного сознания и еще шире – артефакты национальной культуры» [Корнилов, 2019, с. 171]. Именно прилагательные отражают внутреннее мировосприятие человека и дают оценку окружающим предметам и явлениям.

Ввиду многочисленности прилагательных в эпических текстах мы в данной работе ограничимся только частотными прилагательными и прилагательными, характерными для эпического текста одного народа.

И в тувинском, и в бурятском тексте наиболее частотными оказались прилагательные ‘чёрный’ и ‘белый’, имеющие разные вторичные значения. Установлено, что основными цветами у многих народов мира являются белый и черный. Если цветообозначений три, то третий цвет – красный [Там же]. В этом отношении тувинский и бурятский эпосы не являются исключением, в них базовыми цветами-прилагательными являются ‘белый’ и ‘чёрный’, семантическая структура которых имеет сложную репрезентацию. Согласно Н. В. Серову, «белое и черное не являются цветами, очевидно предваряя хроматически-временной аспект ахромных цветов» [Серов, 2019, с. 64]. Лексемы со значениями ‘чёрный’ и ‘белый’, используемые в качестве прилагательных в тюрко-монгольских эпических текстах, имеют много значений и в зависимости от контекста могут иметь как отрицательную, так и положительную коннотацию.

Л. Л. Габышева отмечает, что «семантические признаки, связанные полисемией в имени **qara*, отражают в определенной степени космологическую структуру традиционной картины мира тюркских народов» [Габышева, 2009, с. 8]. Далее она пишет, что в таком случае «языковая метафора служит своеобразной нишей для кумуляции культурно значимой информации, средством ее компрессии и каналом передачи» [Там же]. Согласившись с ее мнением, мы на тувинском примере рассмотрим прилагательное *кара*, семантическая структура которого связана с разными социальными и пространственными категориями. В составе существительных, обозначающих пространство, *кара* передает значение ‘чужой’: тув. *кара чер* ‘чужбина’ (букв. ‘черная земля’), *кара малгаи* ‘чужое место’ (букв. ‘чёрная грязь’).

Необходимо отметить, что подобная семантика обнаруживается и в бурятском тексте: *хара далай* (букв. ‘чёрное море’), *хара хада* (букв. ‘чёрная гора’). Например: *Туунэһээн сааши дугшажи / Ошоһониин тэрэл-даа. / Шара далайн шанаада, / Хара далайн хаяада / Хурэлдэжи байбуу бэй. / Шара далайн шанаада, / Хара далайн хаяада* (Аламжи Мэргэн, 1991, с. 180) ‘Снова она в путь пустилась / Лёгкой трусой. / Она подъехала / К краю жёлтого моря, / К берегу чёрного моря. / На краю жёлтого моря, / У берега чёрного моря’ (пер. М. И. Тулохонова).

Антонимичный признак прилагательного *хара* образует прилагательное *сагаан* ‘белый’: ‘чёрный’ ↔ ‘белый’. Если *хара* передает значение ‘чужой’, то *сагаан* определяет главного героя как ‘своего’. Земля главного героя всегда ‘своя’, она священная, чистая, красивая: бур. *сагаан дайда* ‘светлая земля’, *гэгээн сагаан дайда* ‘священная белая земля’, *сагаан дайда* ‘чистая земля’: «*Гэиһэлдэши үгэйлэ / Гэгээн сагаан дадайеым / Гэиһэлдэжи, алхалдажи ерэхэн / Хэни хубуул?!*» – *гэжи-лэ, / һүүхирэжи һуражи-ла байбал-даа* (Аламжи Мэргэн, 1991, с. 120) ‘«Чей ты сын, / Топтать посмевавший / Священную светлую землю мою, / Которую топтать нельзя?!» – / Так, крича, спрашивал он (главный герой. – М. О.)’ (пер. М. И. Тулохонова).

Семантическая структура, связанная с социальной категорией, выражается благодаря микроконтекстам, указывающим на пол человека и его социальное положение. Согласно Л. Л. Габышевой [2009], в языке и культуре тюркских и монгольских народов черный цвет с древнейших времен служит отличительным знаком социальных низов общества. Однако микроконтексты, в составе которых имеется лексема *оол*, в тувинском эпосе передают значение ‘здоровый’. Приводим пример: *Кадайы олургаи: «Сээң оран-чуртуң өңгүр-чараи болбайн канчаар, / Сен чорааның соонда, / Бодуң ышкаи борбак кара оол төрүп кагдым» – деп хөөрөп...* (Тувинские..., 1997, с. 488) ‘Жена заслушалась: «Как же родному твоему краю нарядному-яркому не быть? / После того, как ты уехал, / У меня мальчик родился – на тебя похожий милый **крепныш!**» – говорит’ (пер. А. В. Кудиярова).

Говоря о социальном положении человека, необходимо привести замечание Н. В. Серова о том, что «у тюркских народов слово “кара” – “чёрный” – означало темное небо с яркой полярной звездой, которая помогала сориентироваться в ночи, и этим же словом обозначали всё главное, великое. Поэтому “кара” служило и титулом человека – “чёрный”, т. е. великий, могучий» [Серов, 2019, с. 59]. Возможно, по этой причине антропонимом *Караты-Хаан*, часто встречающимся в фольклорных текстах тувинцев, называют персонажа с высоким титулом. Подобную семантику (‘великий’) мы обнаружили и в бурятском тексте. Главный герой рождается на том месте, которое определяется *хара*, поскольку его эпический образ должен быть великим в соответствии с признаками эпических произведений: *Хара ехэ хадаяа / Хара ехэ далайяа / Хаяа дээрэн түрүбэл-даа, / Уһан ехэ далайяа / Эрье дээрэн түрүбэл-даа* (Аламжи Мэргэн, 1991, с. 60) ‘Близ высокой **чёрной** горы, / Близ огромного **чёрного** моря / Он родился. / На берегу великих вод морских / Он родился’ (пер. М. И. Тулохонова).

Значения ‘богатый’, ‘знатный’, характеризующие социальное положение человека с высоким происхождением, передаются благодаря следующим клише: *кара саар эдик* ‘чёрный юфтевый сапог’, *кара торгу тон* ‘чёрное шёлковое пальто’: *Эр-даа адазының аныяк чорааи, кедип чораан / Кара саар идиин, / Кара торгу тонун, / Кара киш кежи бөргүн кеткеи, / Даржы торгу курун куржангаи, / Болат бижээн азынгаи, / Кадыг кара чазын чүктээи...* (Тувинские..., 1997, с. 312) ‘Богатырь же надел, что отец надевал, когда был молодым: / Чёрные юфтевые идики, / Чёрный шёлковый тон, / Шапку из меха чёрного соболя, / Поясом из штофного шёлка опоясался, / Меч булатный привесил, / Тугой крепкий лук [за спину] вскинул...’ (пер. А. В. Кудиярова).

Подобное значение мы находим и в бурятском тексте: *бааратай булган хара малгаяа* ‘малгай из чёрного соболя’, *модон хара байсанеын* ‘чёрный деревянный дворец’, *хармалжин хара сэнмэ* ‘дорогие чёрные сукна’. Указанные примеры являются устойчивыми выражениями в эпических текстах, в связи с чем можно сделать вывод, что «коллективная память, постоянно совершенствуя механизмы хранения устной информации, используя разнообразные каналы ее передачи, опирается на устойчивые, типовые для языка и культуры смысловые блоки» [Габышева, 2009, с. 12]. *Хармалжин хара сэнмэ / Ханзаарин дэлгэжи, / үдэр хада / Нарани толаар абалай, / һүни хада / Зулайн толоор буулгажи, / Хада уула болгожи / Сомоһониин тэрэл-даа!* (Аламжи Мэргэн, 1991, с. 68) ‘Дорогие **чёрные сукна** / в тюки складывали / Днём [их] / Грузили при солнечном свете, / Ночью [их] / Разгружали при пламени свечек. / С целую гору / Собрал он всего – так это было!’ (пер. М. И. Тулохонова).

Как отмечает Л. Н. Жуковская, в культуре монголов и монголоязычных народов в целом белому цвету отведена столь же сакральная роль. «Он первый и главный в палитре, он “мать-цвет”, от него произошли все остальные цвета» [Жуковская, 2002, с. 201]. В «Аламжи Мэргэн» все события начинаются с периода, в описании которого присутствует прилагательное ‘белый’. В данном случае *сагаан* передает значение ‘начало’ других событий в эпосе: *Саһан-ханай сабхан сагаан байхада*, / *Саарһан юнэй нимэгэн-ханай байхада* / *Түрэбэ гараба гэхү-даа* (Аламжи Мэргэн, 1991, с. 56) ‘Когда снег был [совсем еще] **белым**, / Когда бумага была [совсем] тонкой, / Родился-появился он, говорят’ (пер. М. И. Тулохонова).

В целом метафорическое значение прилагательного ‘белый’ с положительной коннотацией обнаруживается практически во всех примерах. Так, ‘святость’ обнаруживается в микроконтексте *сагаан ордон* ‘белый дворец’, *сагаан хана* ‘светлая стена’, ‘божественность’ – в *саган тэнгэр* ‘светлое небо’, *сагаан уулей* ‘белое облако’, ‘дорогое, богатое’ – в *сагаа мүнгөөр* ‘белое серебро’.

В тувинском тексте прилагательное *ак* ‘белый’ символизирует:

- ‘чистоту’ – *ак сагыш* ‘белый замысел’, *ак энчек* ‘белое покрывало (войлочное)’;
- ‘силу, могущество’ – *ак көвүк* ‘белая пена’, *ак булут* ‘белое облако’, *ак туруг* ‘белый утёс’, *ак чалым* ‘белая скала’;
- ‘мудрость’ – *ак сал* ‘белая борода’, *ак баш* ‘белая голова’, *ак оол* ‘белый мальчик’;
- ‘богатство’ – *ак өг* ‘белая юрта’, *ак өргээ* ‘белый дворец’, *ак мал* ‘молочный скот’, *ак чылгы* ‘белый табун’, *ак шары* ‘белый вол’, *ак белек* ‘белый подарок’.

Здесь необходимо отметить, что цветообозначения *ак* и *кара* могут быть синонимичными в символическом значении в зависимости от контекста.

Приведем пример, где *ак* используется для гиперболизации количества пены, показывающей увеличение силы персонажа: *Шалырады хурежит турда*, / *Өң-Шара мөгениң ийи колдуундан* / *Хунан инектер хире ак көвүктер* / *Уштунуп чаиштап*, / *Хаваандан, төжүндөн кара суг* / *Шаагайнып турар болу берген*. / «*Бо чүң боор, ээжим?*» – *дээрге*, / «*Эки эрниң эди чаа изип келгени ол-дур*, / *Бектенип тур!*» – *дээн* (Тувинские..., 1997, с. 404) ‘Борются – шуршит [под ногами]. / И тут из подмышек Он-Шара-моге / Белые [хлопья] пены величиной с корову-трехлетку / Стали падать-слетать, / Обильная влага со лба и груди / Стала с шумом стекать. / «Что это, друг мой?» – спрашивает. / «Это значит: тело хорошего богатыря только сейчас разгорелось. / Ну, держись!» – [Он-Шара-Моге] сказал’ (пер. А. В. Кудиярова). Здесь показателем силы богатыря является микроконтекст с рассматриваемым прилагательным: *ак көвүк* ‘белая пена’, которая падала из подмышек героя во время борьбы.

Прилагательное *красный* как в тувинском, так и в бурятском языке ассоциируется с движением, страстью, агрессией. В целом во многих культурах мира *красный* означает энергию, страсть, возбужденность. В буддизме *красный* характеризует «цвет отца и означает материальность, радость, активность, социдание и жизнь» [Серов, 2019, с. 75]. Н. В. Серов отмечает, что «красный цвет ассоциируется с мужским активным принципом, с кровью, с огнем. Энергичные, здоровые, суровые люди находят особое удовольствие в этом цвете, от чего он считается цветом агрессии» [Там же, с. 77]. В тувинском тексте противником главной героини выступает «красный» человек: *Эртен имир-абыр чорда*, / *Кургаг ховунуң бажындан* / *Сыр оду сырылаан* / ***Кызыл демир кижги*** / *Холу, буду карбаңнаан* /

Девин чоруп олуруп-тур эвесне (Тувинские..., 1997, с. 398) ‘В [пред]рассветном сумраке-полумраке / С края сухой степи, / Искры [вокруг] рассыпая, / **Человек из раскаленного металла** (букв. ‘красный железный человек’), / [Высоко] подпрыгивая, руками взмахивая, ногами отталкиваясь, / Пошел, оказывается’ (пер. А. В. Кудиярова). Здесь красный придает усиление агрессивному образу человека из железа.

В «Аламжи Мэргэн» прилагательное *красный*, точно так же, как в тувинском, обозначает энергичное движение, связанное с агрессией. Например, когда главный герой начинает ругаться, из его ноздрей выходит красное пламя: *Баруун ехэ хамараарин / Улаан дүлэ батхажу / Байгаа гэхэн юмэ-лэ* (Аламжи Мэргэн, 1991, с. 152) ‘Из широкой правой ноздри его / **Красное** пламя / Вырвалось, говорят’ (пер. М. И. Тулохонова).

Известно, что в тюркских языках, в том числе в тувинском, «существительные в определенных условиях переходят в прилагательные. Часто одно и то же слово, обладая различными лексическими значениями, может фигурировать в качестве разных частей речи, проявляя их грамматические свойства, в частности употребляться и как существительное, и как прилагательное. Если слово обозначает предмет, то оно является существительным, если статический признак предмета, то прилагательным» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 179]. Точно так же в бурятском языке некоторые существительные могут легко переходить в прилагательное в зависимости от примыкания к существительному. Если слово стоит перед существительным, оно становится прилагательным. Такими прилагательными в обоих языках оказались *mönggün*, *altun*, которые переводятся как ‘серебряный’, ‘золотой’.

В бурятском тексте прилагательное *мүнгүн* употребляется наравне с *сагаан* ‘белый’, которое считается одним из самых частотных прилагательных (употребляется 96 раз). *Мүнгүн* обнаруживается в составе различных словосочетаний: *хаймал мүнгүн хёосоороо* ‘серебрянное тесло’, *мүнгүн хэрэнсы* ‘серебряное крыльцо’, *мүнгүн үүдээрээ* ‘серебряная дверь’, *мүнгүн хёосоороо* ‘серебряные украшения’, *мүнгүн одвоор* ‘серебряный двор’, *мүнгүн амбаар* ‘серебряный амбар’, *мүнгүн гооронс* ‘серебряная горница’, *мүнгүн остоолоо* ‘серебряный стол’, *алта мүнгүн самбаараа* ‘злато-серебряный самовар’, *алта мүнгүн абдарьяа* ‘злато-серебряный сундук’, *сагаа мүнгүн биһэлын* ‘бело-серебряный перстень’.

С. М. Орус-оол со ссылкой на М. И. Тулохонова объясняет многочисленное употребление *мунгун* «высокой ролью в прошлом у бурят серебра как благородного металла, когда оно длительное время считалось самым ценным украшающим материалом и практически было вне конкуренции» [Орус-оол, 2001, с. 277]. Серебро, являясь белым металлом, символизирует чистоту, святость, «считается национальным металлом бурят, наделенным магической функцией, это символ красоты, богатства, здоровья»¹. В бурятском тексте *серебро* и *белый* имеют синонимичные значения. Л. Л. Габышева со ссылкой на работу К. Леви-Стросса отмечает, что *серебро* «представляется в известной степени самородным светом и во многих языках обозначается как “яркое, блестящее, белое”»: “в латинском *argentum* и древнеиндийском *arjuna*, родственных хеттскому *ḫarki*, а также в древнеегипетском *ḥd*, шумерском языке *kù*. *BABBAR*”. В тюркских рунических памятниках утверждается, что “*sariṅ altun ürün kümüş* жёлтое – золото, белое – серебро”» [Габышева, 2012, с. 116].

¹ См.: Женские украшения восточных бурят // Новые исследования Тувы. 2011. URL: <https://www.tuva.asia/news/ruregions/3448-buryaty.html> (дата обращения 05.09.2024).

По сравнению с указанным текстом, в тувинском эпосе лексема *мөңгүн* ‘серебряный’ употребляется всего 6 раз, из них в качестве прилагательного – 2 раза: *мөңгүн тевене* ‘серебряная иголка’, *мөңгүн аастыг* [*көгээржик*] ‘[фляжка] с серебряным горлом’ (букв. *мөңгүн* ‘серебряный’, *аастыг* > *аас* ‘рот’, *-тыг* – аффикс обладания, *көгээржик* > *көгээр* ‘фляга’, *-жик* – уменьшительный аффикс).

В целом редкое употребление прилагательного ‘серебряный’ в эпических текстах тувинцев свидетельствует о низком статусе семантической структуры данного прилагательного по сравнению с прилагательным *золотой*. Например, в вариативном тексте «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» в исполнении Иргита Ширинена из Монгун-Тайгинского кожууна *мөңгүн* встречается всего 2 раза; в другом варианте, в исполнении Салчак Бичен из Бай-Тайгинского кожууна, *мөңгүн* вовсе не обнаружено; в тексте «Найгы-Майгы маадыр» в исполнении Тюлюша Баазаная из Улуг-Хемского района – всего 6 единиц.

Высокий статус в тувинском тексте имеет прилагательное *алдын* ‘золотой’. Так, в «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» *алдын* употребляется 48 раз. В работе С. М. Орус-оол, где прилагательные рассматриваются как художественно-образительное средство, отмечается, что «в эпитетах выражено отношение народа к красивым вещам, предметам, стремление идеализировать героев, представить жизнь простого народа намного лучше, чем было на самом деле. Например, “золотой стол” вовсе не означает, что стол изготовлен из золота. Это высшая степень поэтизации – следствие священного отношения к обильно накрытому ханскому столу, проявление мечты нередко голодавших людей о сытной, вкусной еде» [Орус-оол, 2001, с. 280]. В нашем понимании, многочисленное использование *алдын* несет и другую смысловую нагрузку, поскольку текст героического сказания, как историко-культурный памятник устного творчества, отражает «историю и мировоззрение тувинского народа» [Там же, с. 6] и хранит «фрагменты картины мира» [Габышева, 2009, с. 26]. Исходя из этого, думается, что прилагательное *алдын* ‘золотой’ отражает исторические процессы, когда на территории Тувы были народы, искусство которых связано с золотыми предметами. Согласно С. И. Вайнштейну, «в скифское время зарождается эпос степных племен, возникает и развивается свой стиль в искусстве» [Вайнштейн, 1974, с. 18]. И в этой же работе он отмечает, что в тот период благодаря раскопкам курганов у горы Бай-Даг и около Турана на территории Тувы была обнаружена серия предметов из золота, бронзы, кости. Примечательным является то, что лексема *хүлөр* ‘бронза’, ‘бронзовый’ так же, как и *алдын*, употребляется в тувинском тексте в большем количестве, чем *мөңгүн*, а именно 15 раз.

Несмотря на то что вышеуказанный вопрос требует дальнейшего глубокого исследования, можно утверждать, что употребление *алдын* свидетельствует об архаичности тувинских сказаний. Л. К. Хертек отмечает, что «золотой цвет соответствует идее изначальности и высшей ценности, употребляется всегда применительно к объектам высшего порядка». Автор связывает этот цвет с солярной тематикой и указывает на мифологическую основу данного цвета. Так, по ее мнению, золотой цвет является окраской солнечного царства и имеет связь с огнем [Хертек, 2014, с. 104]. Немаловажным является то, что лексемы *солнце* = *золотой*, *луна* = *белый* имеют синонимичные значения в тувинском эпосе, благодаря им передается значение ‘чистоты, священности’. Например, в следующем микроконтексте *ай, хүн херелдиг алдын даңгына* ‘принцесса с лучами луны, солнца’ (букв. *ай* ‘луна’, *хүн* ‘солнце’, *херел=диг* > *херел* ‘луч’ + *-диг* – аффикс обладания, *алдын* ‘золотая’, *даңгына* ‘принцесса’) лексема *луна* ассоциируется с белым цветом, ко-

торый олицетворял цвет «Великой матери», цвет женщины [Серов, 2019, с. 31], а солнце выражает желтый цвет, который, в свою очередь, считался священным и обозначал «женственность, женщину» [Там же, с. 95].

Кроме того, на мифологичность рассматриваемого цвета указывает то, что в традиционном мировосприятии тувинцев существует культ солнца, из-за чего такие прилагательные, как *золотой* и *желтый*, символизирующие солнце, обязательно присутствуют в образцах фольклора. Как отмечает В. К. Даржа, у тувинцев существовал обряд освящения солнца, состоящий из двух актов: «Вначале на вершине горы проводилось моление, в котором участвовали только избранные народом представители. Затем для всех участников у подножия горы устраивалось состязание – культовое по содержанию троеборье, завершающееся совместной трапезой» [Даржа, 2016, с. 17]. Подобные действия по отношению к солнцу существовали у многих народов, например, у славян солнце – «всевидящее око», поэтому в солнечное время суток они пытались не совершать плохие дела, а «если была нужда, то совершали преступления ночью – авось боги Прави не заметят» [Берегова, 2016, с. 30]. Существование культа солнца у разных народов и употребление прилагательного *золотой*, символизирующего солнце, являются культурными универсалиями в фольклоре многих народов мира.

Функциональная роль вышеуказанных прилагательных заключается в передаче скрытых смыслов, семантика которых обнаруживается в зависимости от контекста. На уровне архетипов семантический язык эпических прилагательных и в тувинском, и в бурятском языке имеет схожие черты, которые составляют единую картину мира тюрко-монгольских народов. Однако, несмотря на общие элементы в рассматриваемых микроконтекстах, содержащих одни и те же прилагательные, генетически каждый народ выработал свою национальную специфику, образованную благодаря особенностям мировосприятия и мировоззрения. По данному вопросу Г. Д. Гачев писал, что «у каждого народа есть особый склад мышления, система своих категорий или особое соотношение понятий, присущих и другим народам. Есть что-то, что побуждает вести рассуждение особым образом, среди каких-то своих проблем, их решая, и движа мысль в направлении к каким-то целям...» [Гачев, 2013, с. 180]. Соглашаясь с автором, считаем необходимым изучение не только частотных, но и всех прилагательных в тувинском эпосе ввиду того, что нами было обнаружено интересное явление в языке эпоса тувинцев. В процессе настоящей работы был выявлен аспект, который является перспективой нашего дальнейшего исследования, – предполагается изучить использование градации в тексте эпоса, которая происходит за счет заимствования лексем из монгольского фольклора.

Согласно Б. И. Татаринцеву, использование монголизмов, являющихся дублетами тувинских слов, свидетельствует о двуязычии части сказителей [Татаринцев, 2009, с. 68]. И в то же время автор относительно использования монголизмов в одном микроконтексте ссылается на устное мнение Д. А. Монгуш, который предполагает, что «употребление того или иного монгольского слова иногда является художественным приемом и может быть продиктовано стремлением сказителя сохранить ритм, размер, аллитерацию в сказе» [Там же, с. 77]. Яркий пример последнего высказывания мы видим в следующем микроконтексте: *тойлу шил көрүнчүк* (букв. *тойлу* > монг. *толь* ‘зеркало; металлическое зеркало на панцире’ [БАМРС, 2001, с. 625], *шил* ‘стекло, стеклянное’, *көрүнчүк* ‘зеркало’). Лексема *тойлу* в тувинский язык проникла из монгольского языка и встречается в основном в фольклорных текстах. Здесь тавтология слов с одинаковым значением уси-

ливают значение второй лексемы – *көрүнчүк* ‘зеркало’: *Тос чүстүг кара дуран-ныг*, / *Тойлу иши көрүнчүк=түг*, / *Тос допчулуг*, / *Алдын согул иштинде чыдар* / *Хопчу кара судурлуг чүве-дир* (Тувинские..., 1997, с. 298) ‘С чёрным биноклем с девятью суставами, / С зеркальным стеклянным зеркалом, / Имел чёрную вещь [книгу-] судур, / Лежавшую в золоченом согуле [-ларце] / С девятью застёжками’ (пер. наш. – М. О.).

Заключение

Изучив прилагательные в героическом сказании тувинского народа «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей», привлекая материалы из монгольского фольклора, а именно из бурятского эпоса, нами было установлено, что наиболее частотными прилагательными в обоих текстах являются ‘белый’, ‘чёрный’, ‘золотой’, ‘серебряный’, которые имеют много значений. Были выявлены общие элементы в семантической структуре указанных прилагательных, а детальное изучение позволило установить национальные особенности, влияющие на формирование языковой картины мира каждого народа. Семантическая оппозиция ‘свой / чужой’ в эпических текстах как один из фрагментов языковой картины мира рассматриваемых народов формируется благодаря указанным прилагательным.

Сравнение тувинских прилагательных с бурятскими позволило выявить отличительные особенности каждого народа на языковом уровне. Одна из языковых особенностей бурятского эпоса состоит в том, что прилагательное *белый* ассоциируется с прилагательным *серебряный*, которое является самым частотным по отношению к другим лексемам. А в тувинском тексте *белый* ассоциируется с силой, характеризующей физические способности персонажей.

Многочисленные значения прилагательного ‘чёрный’ – ‘богатый’, ‘знатный’, ‘чужой’ – выявляются как в тувинском, так и в монгольском. Общность обнаруживается в употреблении не только прилагательного ‘чёрный’, но и ‘красный’, которое связано с ‘движением, энергией, агрессией’ в эпических текстах тюрко-монгольских народов.

Прилагательное ‘золотой’ в тувинском тексте встречается в большем количестве, чем в бурятском. И здесь оно ассоциируется с солнцем, являющимся культовым объектом в национальном мировоззрении тувинцев. Помимо этого, многочисленное употребление *altun* отражает культурно-исторические процессы, происходившие на территории Центральной Азии, и указывает на архаичность тувинского эпоса.

По причине активных контактов в истории каждого народа тувинцы в своем эпическом творчестве выработали особый прием, который выражается в использовании монголизмов-дублетов в одном микроконтексте в целях усиления значения предмета. Этот художественный прием является одной из особенностей функционирования прилагательных в тувинском эпосе. Изучение данного приема в языке эпических текстов тувинского народа является перспективой нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

Бакчиев Т. А. Интерпретация некоторых символов в эпосе «Манас» // Вестник Бурят. гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. Вып. 1. С. 9–14.

- Берегова О.* Символы славян. СПб.: ДИЛЯ, 2016. 432 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1: А–Г. 520 с.
- Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 223 с.
- Войтенко Е. П.* Образные языковые средства в хакасском и русском эпосе (на материале хакасского героического эпоса «Ай-Хуучин» и русских былинных текстов Сибири и Дальнего Востока): Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 27 с.
- Габышева Л. Л.* Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Габышева Л. Л.* Символическое значение номинаций металлов в эпосе якутов и других тюркских народов // Вестник Сев.-Вост. федерал. ун-та им. М. К. Аммосова. 2012. Т. 9, № 3. С. 115–120.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира: общие вопросы: русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский. М.: Книга по требованию, 2013. 234 с.
- Даржа В. К.* Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл: Правник+, 2016. 255 с.
- Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 247 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Вост. лит., 1961. 471 с.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2019. 348 с.
- Орус-оол С. М.* Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: МАКСПресс, 2001. 422 с.
- Роббек Л. В.* Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. Новосибирск: Наука, 2014. 140 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.
- Серов Н. В.* Символика цвета. СПб.: Страта, 2019. 196 с.
- Татаринцев Б. И.* О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. С. 68–82.
- Тимофеев Л. И.* Творчество Александра Блока. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 200 с.
- Хертек Л. К.* Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях (сюжеты и образы). Кызыл: ТувГУ, 2014. 183 с.

Список источников

- Аламжи Мэргэн. Бурятский героический эпос / Сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 1991. 311 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- Тувинские героические сказания. Хунан-Кара, Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 12)
- Фольклорный подкорпус электронного корпуса тувинского языка. URL: <https://tuvancorpus.ru/books/?pid=tge> (дата обращения май 2024 г.).

References

- Bakchiev T. A. Interpretatsiya nekotorykh simvolov v epose “Manas” [Interpretation of some symbols in the epic “Manas”]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrenney Azii*. 2017, iss. 1, pp. 9–14.
- Beregova O. *Simvoly slavyan* [Symbols of the Slavs]. St. Petersburg, DILYa, 2016, 432 p.
- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'* [BAMRS – Large academic Mongolian-Russian dictionary]. G. Ts. Pyurbeev (Ed.). Moscow, Academia, 2001, vol. 1: A–G, 520 p.
- Darzha V. K. *Tayny mirovozzreniya tuvintsev-nomadov* [The secrets of the Tuvan nomad worldview]. Kyzyl, Pravnik+, 2016, 255 p.
- Gabyшева L. L. *Fol'klornyy tekst: semioticheskiye mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 143 p.
- Gabyшева L. L. Simvolicheskoye znachenie nominatsiy metallov v epose yakutov i drugikh tyurkskikh narodov [The symbolic meaning of metal nominations in the epic of the Yakuts and other Turkic peoples]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*. 2012, vol. 9, no. 3, pp. 115–120.
- Gachev G. D. *Natsional'nyye obrazy mira: obshchiye voprosy: russkiy, bolgarskiy, kirgizskiy, gruzinskiy, armyanskiy* [National images of the world: general questions: Russian, Bulgarian, Kyrgyz, Georgian, Armenian]. Moscow, Kniga po trebovaniyu, 2013, 234 p.
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 471 p.
- Khertek L. K. *Mifologicheskiye traditsii v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh (syuzhety i obrazy)* [Mythological traditions in Tuvan heroic tales (plots and images)]. Kyzyl, TuvSU Press, 2014, 183 p.
- Kornilov O. A. *Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov: Ucheb. posobiye* [Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities: a textbook]. Moscow, KDU, 2019, 348 p.
- Orus-ool S. M. *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya (tekstologiya, poetika, stil')* [Tuvan heroic tales (textology, poetics, style)]. Moscow, MAKSPress, 2001, 422 p.
- Pyurbeev G. Ts. *Epos “Dzhangar”: kul'tura i yazyk* [The epic “Dzhangar”: culture and language]. Elista, Kalm. kn. izd., 1993, 128 p.
- Robbek L. V. *Leksiko-semanticheskiye osobennosti yazyka yakutskogo geroicheskogo eposa olonkho* [Lexico-semantic features of the language of the Yakut heroic epic olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 140 p.
- Serov N. V. *Simvolika tsveta* [The symbolism of color]. St. Petersburg, Strata, 2019, 196 p.
- Tatarintsev B. I. O nekotorykh gruppakh mongolizmov v yazyke tuvinskogo fol'klora (na materiale skazok i geroicheskikh skazaniy) [About some groups of Mongolisms in the language of Tuvan folklore (based on fairy tales and heroic tales)]. In Tatarintsev B. I. *Izbrannyye nauchnyye trudy* [Selected scientific works]. Kyzyl, Tyvapoligraf, 2009, pp. 68–82.
- Timofeev L. I. *Tvorchestvo Aleksandra Bloka* [The work of Alexander Blok].
- Vaynshteyn S. I. *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [The history of Tuvan folk art]. Moscow, Nauka, 1974, 223 p.

Voytenko E. P. *Obraznyye yazykovyye sredstva v khakasskom i russkom epose (na materiale khakasskogo geroicheskogo eposa "Ay-Khuuchin" i russkikh bylinnykh tekstov Sibiri i Dal'nego Vostoka)* [Figurative language tools in Khakass and Russian epics (based on the material of the Khakass heroic epic "Ay-Khuuchin" and Russian epic texts of Siberia and the Far East)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2010, 27 p.

Zhukovskaya N. L. *Kochevniki Mongolii: kul'tura. Traditsii. Simvolika* [Nomads of Mongolia: culture. Traditions. Symbolism]. Moscow, Vost. lit. RAN, 2002, 247 p.

List of sources

Alamzhi Mergen. Buryatskiy geroicheskiy epos [Alamzhi Mergen. Buryat heroic epic]. M. I. Tulokhonov (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1991, 311 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]).

Fol'klorny podkorpus elektronnoy korpusa tuvinskogo yazyka [Folklore subcorpus of the electronic corpus of the Tuvan language]. URL: <https://tuvancorpus.ru/books/?pid=tge> (accessed 05.2024).

Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya. Khunan-Kara, Bektug-Kirish, Bora-Sheeley [Tuvan heroic tales. Khunan-Kara, Bektug-Kirish, Bora-Sheeley]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 584 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; vol. 12)

Информация об авторе

Менги Васильевна Ондар, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Mengi V Ondar, Candidate of Philology, Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 02.10.2024;
одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 10.12.2025
The article was submitted on 02.10.2024;
approved after reviewing on 10.12.2025; accepted for publication on 10.12.2025*